

Театр, который больше чем театр

Таганка отмечает день рождения. В 35-й раз

Игорь ВИНОГРАДОВ

Многим из нас тем легче, увы, приспособляться к чему-то новому, чем больше помоев выливается на головы своих предшественников и чем крикливее отличаем себя от них.

Последнее десятилетие уже не раз давало нам повод убедиться в том, что вовсе не обычные зрители и читатели, а именно вожаки новых идеологических стад, лишь мнящие себя интеллектуалами, начали вдруг, например, чем ни попадя, разить всю советскую литературу чохом или — с особенной охоткой — так называемое «шестидесятиничество».

К чему я это говорю? Да к тому, что в эти дни Таганка празднует свой 35-летний юбилей, и нельзя не думать обо всем этом, оглядываясь на пройденный ею путь.

Да, и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е годы Таганка всегда была до такой степени театром своего времени, что ее спектакли становились в некотором роде его символами. Я помню, каким событием было уже само ее рождение, когда выпускной студенческий курс Юрия Любимова, только что ставший театром, впервые показал широкому московскому зрителю прогремевший еще на учебной сцене спектакль «Добрый человек из Сезуана». Я помню молодую, бесшабашную, наотмашь бьющую публицистическую отвагу этого спектакля, утверждавшего упрямо веру в то, что зло все равно будет побеждено, хотя в 1964 году надежды, что страна начнет выбирать из своей тоталитарной ямы, в которой она пропала, уже почти не осталось. Я помню и куда более беспросветные времена, когда стало уже не до надежд на лучшее будущее страны, и нужно было думать прежде всего о том, как самому выстоять и остаться человеком в наступившей мертвящей безнадежности послекрушевского

загнивания. В спектаклях Таганки того времени дух этого упрямого сопротивления не удавалось сломить никаким властям, гражданская ориентация театра и тогда была предельно открыта, и я хорошо помню, как на березовых деревянных жердинках труппы поднимала, словно знамена, серо-голубые книжки «Нового мира» Твардовского в так и не выпущенном к зрителю спектакле по повести Бориса Можаева «Живой»...

Так что же, у Таганки, тоже, уходит, было свое антитезное поле — поле своих отвержений и отталкиваний?

Разумеется. Вот только при всей страстности и накале этих отвержений в них никогда не слышалось ни малейших призывов какого-либо хрюканья и повизгивания. Хотя на протяжении многих лет залы ее были неизменно забиты до отказа, а хоронить Высоцкого пришли на площадь перед театром десятки тысяч. Казалось бы, чем не очередное человеческое стадо, сплоченное очередной психидеологией?

Но есть сплочение и сплочение. «Перед теми же самыми людьми, которых я презираю как толпу, я преклоняюсь, когда они народ». — сказал один великий француз. И эта граница, как ни трудно порою она уловима, все-таки существует. Более того — она проходит через каждого из нас. Стадо состоит всегда лишь из зомбированных особей, и только народ составляют личности, уже пробудившиеся или пробуждающиеся. Поэтому-то он и возникает именно и только тогда, когда люди сплавиваются вокруг того, что действительно истинно, справедливо, достойно и рождает жизнь, а не распад и хаос.

Таганка, что бы потом о ней ни говорили, никогда не была, по большому счету, рупором какой-либо идеологической ангажированной образованнической касты. И в этом ее кардинальное отличие от иных сегодняшних правдолюбцев, сотряса-

Юрий Любимов: «Граждане прохожие, оцените труд»

ющих концертные залы безопасным в нынешних условиях саркастическим смехом над властью имущих. А почему же — сегодня-то! — уже не над собой? Таганка была всегда выразительницей истинного протеста — того, который соответствовал коренной противоположности исконных жизненных устремлений всего нашего народного организма устремлениям па-

разитирующего на нем режима. Вот почему она и была всегда поистине театром народа, выражавшим сам дух этой глубинной несовместимости. Кстати сказать, будь иначе — никогда Любимов и его театр не поднялись бы до такого художественного открытия, как пушкинский «Борис Годунов», именно на сцене Таганки впервые и открывшийся нам в своем подлинном пушкин-

ском содержании — как действительно народная трагедия. До Любимова это никому не удавалось.

Но чтобы уметь это почувствовать, понять и оценить, нужно быть той же кровью, что и Таганка. Так что же удивительного, что когда пришли новые времена и на авансцену культурной жизни страны хлынули новые стада идеологических носорогов, чуждых, в сущности, даже то-

му действительно новому и полезному, что они сами же вроде бы и поднимали на щит, Таганке досталось по первое число. Ей пришлось пережить и всяческую кулу, и обвинения в устарелости, и даже раскол, на который оказалась способна даже труппы, поддавшаяся вот именно стадному же, увы, соблазну, в результате чего ей ныне приходится предоставлять отвоєванные ею залы для коммунистических сборищ. Все это так хорошо известно, что вряд ли стоит на этом и задерживаться. Куда важнее то, что происходит с Таганкой сегодня.

А происходит то, что она, похоже, начинает выбираться из недавнего творческого кризиса, который ей тоже пришлось пережить... Только что осуществлена постановка соляничинской «Шарашки», а ныне театр празднует свой юбилей уже и отважным возобновлением «Доброго человека...». Что это — предчувствие, что возвращаются прежние времена и публицистическая гражданственность прежней Таганки опять станет актуальной?

Не думаю, хотя от того, что происходит сегодня в наших верхах, смердит так, как не смердило и при Брежневе. Но сегодня все в куда большей мере, чем раньше, зависит от нас самих. А значит, и ситуация совсем другая.

Мне кажется, Таганка, верная своей стержневой традиции быть таким театром, который больше чем театр, нащупывает сегодня именно тот пульс новой театральной гражданственности, который и соответствует новой нашей реальности. И если это получится, и она верно найдет свое новое антитезное поле, мы будем, я уверен, свидетелями нового расцвета этого театра. Ибо среди всех других, тоже нужных и важных, гражданский театр в России не утратил еще своей востребованности. И не утратит — по крайней мере до тех пор, пока у нас не образуется гражданское общество. А значит, похоже, еще очень и очень долго...